



МИРЭМА

4





КРАСНЫЙ ЦВЕТОК

*Дорогой октябрёнок!
Идёт Всесоюзная неделя октябрят,
посвящённая 60-летию создания
октябрятских групп.
Завершается неделя 22 апреля праздником
в честь дня рождения В. И. Ленина.
Выучи и прочитай на празднике
это стихотворение.*

З. АЛЕКСАНДРОВА

Последние льдинки ломает весна,
Весенняя улица флагов полна.
Пришли октябрята нарядные в класс.
Все знают, что праздник сегодня у нас.

И, словно узнав о торжественном дне,
Цветок распустился на школьном окне.
Такой настоящий, весёлый, живой,
С блестящею тёмно-зелёной листвою.

Апрельским деньком возле классной доски
Он звёздочкой красной раскрыл лепестки.
Высокий, стоит он у всех на виду
И вправду немножко похож на звезду.

Ребята ему помогали расти,
Они торопили его расцвести.
И счастливы, что распустился цветок
К рождению Ленина, в заданный срок.



Рис. Л. НИЖНЕГО © «Мурзилка», 1984 г.

КАК МЫ ВСТРЕЧАЛИ СКВОРЦОВ

Михаил АЛЕКСЕЕВ

Жавороночь пора проходила, и на смену ей являлась не менее волнующая: со дня на день должны были прилететь скворцы. Эти озорные, весёлые пересмешники-пародисты, объявившись, надолго останутся с нами как бы в награду за то, что мы, люди, избавляем их от больших забот-хлопот по сооружению гнездовий, строим для них домики один краше и замысловатее, затейливее другого. Я, например, с ползимы начинал одолевать своего дедушку Михайлу, чтобы он, великолепный мастер строить скворечники, поскорее приступал к делу.

Дедушка каждую весну обновлял скворечные жилища, старые домики отправлялись либо на топку, либо на ящики для помидоров будущего урожая.

На изготовление одного скворечника у старика уходило несколько дней и даже ночей, поскольку конструкция была весьма сложной: скворечник снабжался крыльчком с железной крышей над ним, с какими-то изразцами по краям и ещё чем-то, настолько уж хитрым, что и не назовёшь, что бы это было такое. При входе на крыльцо дед встраивал ограждение из тонкой проволоки: оно свободно впускало в дом его законного хозяина, то есть скворца, но не позволяло проникнуть туда пернатым хищникам — вороне или сороке, да и кошке тоже.

Над крышей самого домика маячила красивая, вся в согревающих глаз придумках маленькая кружевная труба.

Мне нравились такие скворечники, и я канючил у деда:

— Деда Миша, скворцы прилетели.

— Правда? А не спутал ли ты, тёзка, их с воробушками?

— Не, не спутал. Ванька сказывал. Он видал на Хуторе.

— Врунишка твой Ванька. Скворцы так рано не прилетают.

— Почему? — спрашивал я. — На улице-то тепло.

— А снег?

— Он скоро растает.

— Вот тогда и прилетят твои скворцы, Мишанька, — и дед раскрывал передо мной свою неписаную азбуку природы. — Прилети они сейчас — помрут от голоду. Скворцы чем питаются?

— Червяками.

— Правильно. А где живут червяки?

— В земле.

— И опять верно. А где она сейчас, земля?

— Под снегом.

— Под снегом, стало быть, и хоронятся червячки и разные букашки. Уберётся снежок с полей, объявятся на огородах большие проталины, выползут погреться на солнышке малые божьи твари — скворец тут как тут. Цап-царап их длинным своим клювом — и сыт, и нос в табаке...

— Разве скворцы табак клюют? — удивлялся я.

— Не клюют, конечно. Они не такие дураки, как твой отец или дядя Петруха. Просто поговорка есть такая: «Сыт, пьян, и нос в табаке». Придумана она, Мишанька, для непутёвых мужиков. Надеюсь, ты не будешь таким?

— Не буду, — заявлял я решительно, потому что успел в достаточной степени наглядеться на своего родителя, когда тот был и сыт, и пьян не в меру, и табачищем от него разило за версту, и когда он был не только противен внешне, но и опасен, потому что лез на всех с кулаками.

— И не надо, Мишанька, — удовлетворённо говорил дед и, успокоенный, возвращался к скворцам: — Дней через



десять, не раньше, твои крикливые гости пожалуют. А к тому времени я тебе сколочу не один скворечник, а сразу два и сам принесу к вам. Один поставим во дворе, а другой — на улице, под окном, чтобы ты мог слушать песенника прямо из дому.

— Вот здорово! — восклицал я и, подпрыгнув, повисал на дедушкиной шее, обхватив её своими тонкими, но крепенькими ручонками. Неловко тыкался в его бороду: мне хотелось расцеловать человека, который после моей матери был для меня, пожалуй, самым дорогим и близким.

К прилёту скворцов почти во всех дворах, на шестах, увенчанных ветвистыми сучьями, или на вётрах, растущих перед домом, золотились новенькие, некрашенные (краску эта избалованная птица не любит, мы это знали) домики для них, радуя расцветающие наши ребячьи души.

Каждому хотелось, чтобы именно на его подворье объявился первый скво-

рец, чтобы потом можно было заявить об этом во всеуслышанье.

Зная, что прилетает он рано поутру, я просыпался до восхода солнца и, закутавшись во что попало, выходил во двор, усаживался на пеньке и не отрывал глаз от скворечника часами. Ёжил-ся при этом от утреннего морозца, чаще орудовал рукавом шубейки под своим всё более увлажняющимся носом, но терпел, не уходил в избу: вдруг, думал, прилетит, а я и не увижу.

Терпение моё в конце концов вознаграждалось. Правда, я не улавливал самого мига, в какой птица объявлялась, и обнаруживал её лишь тогда, когда она уже высовывала свой длинный клюв из домика и издавала звонкий, предупреждающий всех и вся свист: вот он, мол, я, прилетел!

Прежде чем вспорхнуть на ветку и уже оттуда сообщить эту новость всему белу свету, скворец раз десять кряду нырнёт в своё новое жилище, исследует его со всей возможной тщательностью.



